

зависимость и самоуважение», позволяющие выстоять под ударами судьбы. Чаадаеву для организации своего духовного сопротивления кантовская этика долга, героическая этика активного субъекта, творящего свой мир, послужила превосходной философской базой. Постигая историю России, Чаадаев просто вынужден был стать кантианцем. Кантовский субъект, по Бердяеву, отчужден от мира, судит его, но он готов и творить мир. Такова и позиция Чаадаева по отношению к России. Он не только судил, он надеялся творить новую Россию. Уже после создания I «Философического письма» мыслитель выражал надежду на то, что его страна станет «умственным средоточием» Европы, как раньше была ее «политическим средоточием» (8 (2), 99). А в конце жизни, в период самого беспроблемного пессимизма (1854 год), Чаадаев все же призывал «заставить Россию перейти на новые пути» (8 (1), 569).

¹ Ахутин А. В. София и черт. (Кант перед лицом русской религиозной метафизики)//Вопросы философии. 1990. № 1.

² Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.

³ Гулыга А. В. Кант сегодня//Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.

⁴ Каримский А. М. Философия истории Гегеля. М., 1988.

⁵ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни//Литературное наследие декабристов. Л., 1975.

⁶ Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990.

⁷ Торопыгин П. Г. П. Я. Чаадаев и И. М. Ястребцов//Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 748. Тарту, 1987.

⁸ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1—2. М., 1991.

⁹ Шаховской Д. И. Примечания к «Философическим письмам» П. Я. Чаадаева//Литературное наследство. М.; Л., 1935. № 22—24.

¹⁰ McNally R. Chaadayev and His Friends. Tallahassee, Florida, 1971.

Ф. З. КИЧАТОВ

(Калининградский государственный университет)

«Философ резвый и пиит...»

(К вопросу о влиянии кантианства на формирование философских взглядов А. С. Пушкина)

Первоначальные познания в философии Пушкин, по всей видимости, почерпнул еще в детские годы, жадно прочитывая все, что удалось ему заполучить из богатой библиотеки отца.

Обучение в лицее значительно обогатило эти познания и положило начало развитию его философского мышления. Этому способствовали программа лицея, ряд лицейских профессоров, поклонников и пропагандистов идей Канта, и конечно же, окружение друзей, многие из которых являлись почитателями кантовской философии.

Программа лицея не содержала предмета философии как такового, однако была рассчитана на широкое освещение фи-

лософских проблем в курсах других дисциплин. Так, программа профессора Александра Петровича Куницына выглядела следующим образом:

«В 4-й год: изложение системы наук нравственных, философское понятие о правах и обязанностях и разделение их по разным отношениям на право естественное, публичное, гражданское и др. Ифика, или наука нравов.

В 5-й год: продолжение тех же предметов и подробное изложение права публичного и экономики политической...»¹.

В своих лекциях профессор Куницын часто использовал положения и идеи кантовской философии, усвоив их от своего учителя — профессора Геттингенского университета Гуго, находившегося под сильным влиянием Канта. В 1818 году свои философские взгляды Куницын воплотил в книге «Право естественное», «противоречащей явно истинам христианства и клонящейся к ниспровержению всех связей семейственных и государственных», за что она была конфискована и в 1821 году сожжена.

Поклонником и пропагандистом идей Канта был и другой лицейский учитель Пушкина — профессор Александр Иванович Галич, прибывший в лицей в 1814 году вместо заболевшего Кошанского. Это в его адрес профессором Руничем были высказаны обличительные слова во время «дела профессоров» (1821): «Вы явно предпочитаете язычество христианству, распутную философию девственной невесте христианской церкви, безбожного Канта самому Христу, а Шеллинга и Духу Святому»².

Об этой истории Пушкин упомянул одной строкой в черновом наброске «Второго послания к цензору»: «И Рунич — Галича креститель и пророк...».

В своей «Истории философских систем» (1818) Галич неоднократно обращается к идеям Канта. Говоря о кантовской системе в § 121 этой книги, он характеризует существовавшее в то время отношение к этим идеям в России: «Система сия возбудила живейшее участие, причинила едва ли не судорожные в умах движения и подала повод к разногласным толкам. Говорили, якобы она то проповедует неслыханные вещи, то играет старую песню на новый лад, то угрожает подрывом вере, благонравию и гражданскому спокойствию, то приближает эпоху усовершенствования рода человеческого. Преподавание Канта в непродолжительном времени было запрещено в некоторых университетах, особливо в католических». Сам же Галич ставит Канта во главе новых «движений науки»: «Век, о котором идет здесь речь, созрел уже для великой, едва ли кончившейся в наше время, революции во всем образе мыслей, и муж редких и обширных дарований, произведший оную мало помалу в действие из тишины учебного кабинета, был Иммануил Кант, профессор из Кенигсберга»³.

Примечательно, что профессор Галич, преподававший в лицее всего-то не более года, стал одним из самых любимых Пушкиным учителей. Имя его мы неоднократно встречаем в стихах поэта, а в его личной библиотеке — книги профессора.

Имя Канта определено звучало и в «Философских обозрениях знатнейших эпох всемирной истории», читаемых еще одним профессором лицея, бывшим геттингенцем И. К. Кайдановым.

В эти же юные годы Пушкин знакомится с «Письмами русского путешественника», из которых узнал о личной встрече автора книги, Николая Михайловича Карамзина, с кенигсбергским философом. Надо полагать, что подробности этой встречи он слышал из уст самого российского историографа, частые встречи которого с Пушкиным выпали на период пребывания последнего в лицее.

Очевидно, для юного Пушкина, обладавшего чрезвычайной подвижностью, философские лекции, особенно в начальный период учебы, не были предметом пристального внимания. Это видно хотя бы в стихотворении «Пирующие студенты» (1814):

Друзья, почто же с Кантом
Сенека, Тацит на столе,
Фольянт над фольянтом?
Под стол холодных мудрецов,
Мы полем овладеем,
Под стол ученых дураков!
Без них мы пить умеем. (I, 41) *

Здесь, прежде всего, мы видим, что среди «холодных мудрецов», «фольянты» которых приходилось штудировать Пушкину уже на третьем году обучения в лицее, впервые появляется имя Канта.

Несмотря на шаловливость и беззаботную веселость этих стихов, безусловно очевидно, что написаны они под влиянием сиюминутного настроения и вовсе не означают пренебрежительного отношения автора к философской братии, хотя бы потому, что в эти же годы он довольно часто в своих стихах использует слово «философ» и его производные в позитивном смысле, непременно ставя их рядом со словом «поэт»:

Философ резвый и пиит...
«К Батюшкову», 1814. (I, 50).
Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ...
«Князю А. М. Горчакову», 1814. (I, 36).
Философом ленивым
От шума вдалеке,
Живу я в городке...
«Городок», 1815. (I, 65).

* Здесь и далее ссылки на сочинения А. С. Пушкина по изданию: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981,— даются в тексте в круглых скобках (цифра до запятой означает номер тома, после запятой — страницу).

Живу с природной простотой,
С философической забавой
И с музой резвой и младой...

«Послание к Юдину», 1815. (I, 116).

Какой смысл вкладывал поэт в понятие «философ»? Об этом догадаться нетрудно. Но все же обратимся к «Словарию языка Пушкина». Здесь толкование слова «философ» означает «мыслитель, ученый, занимающийся философией» или тот, кто «склонен размышлять над философскими вопросами, проявлять интерес к этим вопросам». Слово «философия» толкуется как «чья-нибудь система, совокупность жизненных правил, взглядов на что-нибудь», т. е. совсем не обязательно относится к профессиональным философам. А слово «философствовать» у Пушкина чаще используется в значении «проводить время в размышлении»⁴. Очевидно, что, используя в своей поэзии эту терминологию, он подразумевал ее в значении, связанном со способностью мыслительной деятельности, характерной, по его мнению, как для философов, так и для поэтов. Подтверждение этому суждению мы находим у Сен-Ламбера в предисловии к «Временам года», где он пишет, что «язык философии может стать и языком поэзии».

В январе 1816 года лицейский товарищ Пушкина Илличевский в письме своему другу Фуссу сообщает о том, что Пушкин «...пишет теперь комедию в 5 действиях, в стихах, под названием «Философ»⁵. Пушкин действительно начал работу над своим первым «философским трудом», о чем мы находим запись в его дневнике от 10 декабря 1815 года: «Вчера написал я третью главу «Фатама, или Разума человеческого: Право естественное». Читал ее с С. С. и вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале. Прекрасное занятие для философа!»⁶. К сожалению, это сочинение не дошло до нас. Однако воспоминания современников поэта донесли смысл этого произведения до наших дней. Моральная сторона этого сочинения, написанного в духе сказок Вольтера, состояла в том, что «изменение натурального хода вещей никогда не может быть к лучшему»⁷. Вчитаемся в эту фразу. Не напоминает ли она нам кантовское: «Как нельзя вторгаться в жизнь художественного организма, так нельзя нарушать гармонию природы, сложившаяся в ней целесообразное равновесие»⁸.

Анализ литературного наследия Пушкина показывает, что он был не только хорошо знаком со взглядами известных европейских философов, но и внутренне воспринимал те из них, которые наиболее согласовывались с его пониманием жизни. Его философские реплики, рассеянные в многочисленных стихах, письмах, публицистических статьях и набросках, дают возможность заглянуть в еще мало изученную область мыслительной деятельности поэта, поражающей своей многогранностью и глубиной. Эти реплики приобретают порой значение оценок, ко-

торые, по мнению пушкиниста Ю. В. Стенникова, «...носят сугубо личный характер, являясь сиюминутными откликами на современные поэту события»⁹.

Зададимся вопросом: мог ли живой ум Пушкина обойти вниманием философские идеи Канта, которые, как лондонский туман, заполняли собой все ученое «пространство» Европы? Прежде всего нам интересно знать, насколько они овладели вниманием интеллектуальных слоев России. Обратимся к началу XIX века. В 1803 году в городе Николаеве издается «Кантово основание для метафизики нравов» в переводе с немецкого Я. Рубана. Через год в Санкт-Петербурге в переводе Р. Цебрикова появляется «Канта наблюдение об ощущении прекрасного и возвышенного, в рассуждении природы человеческой вообще и характеров народных особенно». В 1807 году выходит там же на русском языке «Кантова философия» Ш. Ф. Виллера в переводе с французского П. Петрова. Ряд крупных статей, касающихся общеполитических взглядов, этики и эстетики Канта, появляется в российских журналах «Улей», «Мнемозина», «Северная Минерва», «Библиотека для чтения», «Телескоп», «Вестник Европы» и др. Наукометрические данные русской кантианы показывают, что с 1800 по 1837 год в России на русском языке вышло 20 книг и журналов, где были опубликованы труды Канта и литература о нем. Характерно, что только за три года (1830—1832) статьи о Канте и его учении появились в российских изданиях восемь раз¹⁰.

В личной библиотеке Пушкина были сочинения многих известных философов. Среди них труды Платона и Сенеки, Лейбница и Мирабо, Вольтера и Дидро, Сен-Симона и Монтескье, Констана и Бэкона, Фихте и Канта. Всего около пятидесяти томов.

Определенное место среди этих трудов занимает пушкинская кантиана. Из всех выпущенных за его жизнь в России кантовских трудов четверть находилась в библиотеке поэта. Здесь мы находим «Трансцендентальную философию или систему Иммануила Канта» Л. Ф. Шёна, «Историю современной философии от Ренессанса до Канта» Ж.-Г. Бюля и ряд статей о кантовской концепции эстетики и прекрасного, о проблеме познавательной способности, о философии как о естественном расположении и потребности человека, о самом Канте (см. журналы «Улей», 1812. Ч. III; «Мнемозина», 1824. Ч. III; «Северная Минерва», 1832. № 1, 4, 9). Естественно предположить, что все эти труды были хорошо знакомы Пушкину.

Одним из источников формирования философских взглядов, преимущественно кантовского направления, особенно у передовой молодежи России, в первой трети XIX века был Геттингенский университет. По словам одного из мракобесов того времени, масона Невзорова, «...славные немецкие университеты и всего более геттингенский, сие молодое, но слишком далее дру-

гих в новом безумии забежавшее дитя Германии, были первейшими орудиями, рассадниками, распространителями всякого рода разврата и безбожия»¹¹. Конечно же, под «развратом и безбожием» надо понимать новые философские идеи, прежде всего кантианство, проповедуемое в этом учебном заведении многими профессорами.

В рассматриваемый период в Геттингенском университете обучалось около 250 студентов из России. Среди тех, кто окончил его, мы находим друзей, товарищей и учителей Пушкина: Николая, Александра и Сергея Тургеневых, Петра Каверина, профессоров лица Куницына и Галича. Дух кантианства был отличительной чертой этого учебного заведения. Передовые идеи Канта излагались здесь на лекциях Штейдлина, Сарториуса, Гуго, Бутервека, Кестнера, Блюменбаха, Буле, Крауса, Лихтенберга, Бюргера и др. Все они были поклонниками кантовского учения, многие из них были учениками Канта, некоторые состояли с ним в длительной переписке; поэт Готфрид-Август Бюргер, например, лучшую часть своей жизни посвятил преподаванию в университете кантовской «Критики чистого разума»¹². Проповедуемые ими вольнолюбивые идеи прочно оседали в головах русских «геттингенцев». По словам Н. Л. Бродского, их общим обликом стал «политический либерализм, преданность научным интересам, соединенная со стремлением к общественной деятельности»¹³. Именно в Геттингене, на студенческой скамье, у Николая Тургенева возникла идея освобождения крестьянства от крепостной зависимости. Там же он начал работу над книгой «Опыт теории налогов» (1818), где остро был поставлен вопрос о крепостном праве. Один из старших выпускников Геттингенского университета, знакомый Пушкина Андрей Кайсаров, под влиянием университетских профессоров написал докторскую диссертацию на тему «О средствах постепенного освобождения крестьян». О трудах «геттингенцев» Куницына и Галича уже упоминалось выше.

Именно под влиянием политических взглядов «геттингенцев» братьев Тургеневых, особенно Николая, Пушкин сочиняет оду «Вольность», а в дальнейшем тема свободы, воспетой в оде, красной нитью проходит через все его творчество. И не удивительно, что герой «Евгения Онегина» —

По имени Владимир Ленский;
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.

(IV, 31).

Определенное воздействие на формирование пушкинских взглядов оказывали Петр Чаадаев, лично знакомый с Шеллингом и Ламенне; Никита Муравьев, проявлявший глубокий интерес к философии Канта; Иван Якушкин, «метафизические споры» которого о кантовском учении со своим приятелем Об-

леуховым занимали довольно большое место; Вильгельм Кюхельбекер — один из страстных приверженцев кантианства; Алексей Вульф — воспитанник Дерптского университета, слушавший там лекции по философии, логике и психологии у ученика и последователя Канта профессора Йеше. В библиотеке Пушкинского заповедника в Михайловском хранится сочинение Фихте «Bestimmung des Menschen» (Уч. № ПЗ—9977), испещренное пометками А. Н. Вульфа. Вполне допустимо, что эта книга была предметом дискуссий друзей во время ссылки Пушкина в псковское имение родителей.

После освобождения из ссылки Пушкин сближается с молодыми московскими литераторами, называвшими себя «любомудрами» и составлявшими «Общество любомудров», носившее литературно-философский характер. Отправной точкой «любомудров» была немецкая романтическая философия. Они изучали сочинения Спинозы, Фихте, Шеллинга и Канта. Пушкин, «наводнивший Россию вольнолюбивыми стихами» и пользовавшийся в это время необычайной популярностью среди передовой молодежи, стал воплощением мыслей и идеалов «любомудров». Но и сам он не остался равнодушным к их идеям. Под их влиянием он написал стихотворение «Поэт и толпа», опубликованное в 1828 году под названием «Чернь»¹⁴. Рассуждая в нем о предназначении поэта, Пушкин пишет:

Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв!

(II, 139).

Уже позже, в 1836 году, в стихотворении «Из Пиндемонти» эта мысль приобретает более острый характер:

...никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливрен
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...

(II, 293).

Здесь убедительно узнается кантовское: «Нет ничего ужаснее, когда действия одного человека должны подчиняться воле другого (...) рабство есть наивысшее зло в человеческой природе (...) Человек, зависящий от другого, уже не человек». Далее эта мысль концентрируется в постулате: «Не становитесь холопом другого человека. Не допускайте безнаказанного попрания ваших прав» (2, 220).

Философия «любомудров», несомненно, оставила в душе поэта глубокий след. В своей статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» Пушкин заключает, имея в виду прежде всего «любомудров»: «Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и хотя гово-

рили они языком малопонятным для просвещенных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно»¹⁵. Эта же мысль повторяется почти дословно в «Путешествии из Москвы в Петербург».

Приведенный анализ показывает, сколь много факторов воздействовало на формирование философских взглядов Пушкина, среди которых заметное место занимала философия Иммануила Канта. Разумеется, эти взгляды нашли широкое отражение во всем творчестве великого поэта. Мы находим их в его рассуждениях о свободе, об искусстве и поэзии, о проблеме «вечного мира», о роли личности и государства в обществе, об армии и войнах. Но это предметы отдельных статей.

¹ Селезнев И. Исторический очерк императорского лицея; 1811—1861. Спб. С. 89.

² Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Спб., 1889. Т. 1. С. 328.

³ Галич А. И. История философских систем. Спб., 1818. С. 209, 210.

⁴ Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1961. Т. 4. С. 786, 787.

⁵ Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: статьи и материалы. 2-е изд. Спб., 1899. С. 62.

⁶ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1981. Т. 9. С. 8.

⁷ Томашевский Б. Пушкин. М.: Худож. лит., 1990. С. 35.

⁸ Гулыга А. Кант. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 180.

⁹ Стенник Ю. В. Концепция XVIII века в творческих исканиях Пушкина//Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1983. Т. 11. С. 77.

¹⁰ Зверев В. М., Емельянов Б. В. Русская кантиана 1800—1917 годов//Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. Вып. 4. Калининград, 1979. С. 144—159.

¹¹ Бродский Н. Л. «Евгений Онегин» — роман А. С. Пушкина. М.: Просвещение, 1964. С. 131.

¹² Vorländer K. Immanuel Kant. Der Mann und das Werk. Hamburg: Meiner, 1977. S. 239—240.

¹³ Бродский Н. Л. «Евгений Онегин» — роман А. С. Пушкина. С. 132.

¹⁴ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1. С. 39.

¹⁵ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Правда, 1981. Т. 6. С. 270.